

Припав к земле у самого склона овчарни, Ци Бай поправил на голове забавную шапку, сплетенную из веток кипариса. Он очень надеялся, что такая бесхитростная маскировка поможет ему остаться незамеченным.

— Уже три дня прошло, — прошептал юноша, кивнув Лан Цзэ в сторону двух лежащих овец. — У Сяо Хуа и Сяо Цао точно что-то намечается.

В загоне племени Чёрной Горы насчитывалось тридцать восемь голов, и четверо из них были беременными самками. Мастер, который каждый день навещался проведать стадо, проявил завидное терпение и придумал для каждой будущей матери свое имя.

Ту, что смотрела на мир круглыми глазами, он прозвал Доудоу. Овцу с загнутыми внутрь ушами — Цзюаньцзюань. Ту, чья мордочка была чуть перекошена — Сяо Цао. И, наконец, овцу с приметным пятном на морде он окрестил Сяо Хуа.

Лан Цзэ не совсем понимал страсть напарника к именованию скотины, но признавал: с такими прозвищами отыскивать нужных самок в отаре стало куда проще.

Зверолюды с незапамятных времен выхаживали детенышей молоком диких зверей, и хотя им никогда прежде не удавалось одомашнить скот, они на редкость точно определяли сроки родов. Поначалу воин полагал, что овцы принесут приплод примерно через месяц после того, как попали в загон. Однако то ли новое жилище заставило самок занервничать, то ли Ци Бай слишком уж хорошо их кормил — в общем, природа решила поспешить.

Поведение Сяо Хуа и Сяо Цао в последние дни и впрямь стало странным. Несмотря на изобилие корма, они ели мало и постоянно переступали с ноги на ногу, не находя себе места. Юноша позвал Лан Цзэ, предчувствуя, что срок уже на подходе. Судя по сегодняшним наблюдениям, Сяо Хуа должна была разродиться первой.

Пока они лежали в засаде те десять минут, овца то и дело крутилась на месте, беспокойно оглядываясь на свой живот. Ци Бай прищурился и легонько подтолкнул соседа локтем:

— Смотри, кажется, у неё из-под хвоста что-то потекло.

Стоило Лан Цзэ присмотреться, как Сяо Хуа внезапно рухнула на колени и жалобно заблеяла.

— Рожает... Рожает! По-настоящему рожает!

Ци Бай едва не подпрыгнул на месте от возбуждения, выглядя куда более взвинченным, чем безвестный отец семейства, пасшийся неподалеку. Взгляд воина мгновенно стал сосредоточенным.

— Я позову остальных, — коротко бросил он.

Мастер, заставив себя успокоиться, закивал, словно цыпленок, клюющий зерно:

— Хорошо, я присмотрю тут.

Хотя он уже считал себя чуть ли не лучшим другом подопечных, подкармливая их «вкусностями» каждый день, звериная натура оставалась неизменной. В конце концов, их с Лан Цзэ главная цель была весьма прагматичной: им нужно было украсть овец.

Едва фигура волка скрылась из виду, юноша сосредоточился на овце. К сожалению, с его места были видны только её голова и передние копыта. Что происходило сзади — оставалось лишь гадать, и Ци Бай сгорал от нетерпения, прислушиваясь к каждому звуку.

«Давай, Сяо Хуа, постарайся, — мысленно заклинал он. — Только без осложнений. Я ведь совершенно не умею принимать роды, так что ты уж сама как-нибудь держись».

Вскоре небо над его головой словно потемнело. Подняв глаза, Ци Бай увидел Сюн Фэна и Хуань Пина, которые ловко вскарабкались на дерево рядом с ним. Их звериные шкуры были обернуты вокруг пояса, а руки перепачканы глиной — похоже, Лан Цзэ выдернул их прямо из гончарной.

— Есть! — раздался еще один голос.

С противоположного склона им замахал Ню Юн, охранявший овчарню. Под его возглас Сяо Хуа наконец поднялась. На земле копошился крошечный белый комочек, которого мать принялась старательно вылизывать. Сюн Фэн и Хуань Пин уже приготовились прыгать вниз, но Лан Цзэ жестом велел им ждать.

— Овца не рожает по одному, — пояснил он, не сводя глаз с вожака стада. — Сейчас я выманю вожака из зоны загона, а вы двое заберете Сяо Хуа. Главное — не напугайте остальных самок.

Сюн Фэн и Хуань Пин азартно закивали:

— Не волнуйся, всё сделаем в лучшем виде.

Все внимание мужчин было приковано к долине, и никто не заметил, как Ци Бай тоже решительно кивнул сам себе. Лан Цзэ позвал именно этих двоих не только потому, что их пары тоже ждали прибавления, но и потому, что их звериные формы позволяли им ходить на задних лапах. Теперь им не нужно было просто притащить добычу в племя; главной задачей было сберечь мать, выдоить её и вернуть в загон невредимой.

Как раз когда юноша размышлял о дойке, на горизонте показался Ян Ло в сопровождении Дяо

Лань и Чжу Чжу. В руках они несли бамбуковые тубусы. Надо же, стоило одной овце принести потомство, как на это событие сбежалось посмотреть едва ли не полплемени.

За следующие полчаса Сяо Хуа родила еще двоих ягнят. Мастер наблюдал за этим с замиранием сердца. Поразительно: новорожденные малыши уже через пару минут пытались встать на неокрепшие ножки. Самый первый, уже обсохший, всюду крутился вокруг матери, выискивая молоко. Глядя на этих чистеньких, белоснежных крох, Ци Бай невольно сжал кулаки от переполнивших его чувств.

В этот момент Лан Цзэ и двое его товарищей сбросили одежды и обернулись зверями. Над долиной внезапно и властно раскатился волчий вой.

Овцы, мирно гулявшие внизу, вздрогнули, услышав леденящий душу звук. Не успели они опомниться, как серебристо-белая тень молнией метнулась со склона вниз. Стадо в панике бросилось к скалам, а в это время бурый медведь и медоед, взрывая землю когтями, ворвались в загон.

Сяо Хуа попыталась было бежать, но куда ей, едва родившей, было тягаться с двумя огромными рогатыми зверолодами. Сюн Фэн и Хуань Пин слаженно подхватили её с двух сторон. Пуловина, которую овца еще не успела перегрызть, сиротливо болталась на ветру, словно выражая немое возмущение бедного животного таким бесцеремонным обращением.

Заполучив добычу, воины бросились к углу изгороди. Там, в тени колючих зарослей, была скрыта бамбуковая калитка. Ню Юн и Цы И уже ждали их, готовые в любой момент распахнуть проход.

Казалось, операция проходит безупречно, но тут Ян Ло заметил маленькую белую тень, которая изо всех сил старалась не отставать от медведя и медоеда. Жрец взглянул туда, где только что лежала одежда Ци Бая, и увидел лишь пустую траву. Голос Ян Ло сорвался на крик:

— Когда он успел туда спуститься?!

Только тогда Дяо Лань и Чжу Чжу заметили, что юноша каким-то невыносимым образом тоже прокрался в загон. Но самое невероятное было в другом: маленький снежный барс тащил в пасти новорожденного ягненка. Из-за скромных размеров азверолода ягненок казался едва ли не больше него самого. Барс бежал тяжело, его длинный хвост был напряжен до предела, а голова задрана так высоко, как только возможно, чтобы добыча не волочилась по снегу.

Отара, придя в себя, начала метаться по долине. Лан Цзэ не мог уследить за всеми, и пара баранов, набрав скорость, бросилась наперерез Сюн Фэну и Хуань Пину. Однако, завидев огромные туши хищников, они в последний момент свернули и, пригнув головы, помчались на маленького зверька позади них.

Ян Ло и женщины вцепились в свои бамбуковые сосуды, не сводя глаз с барса. Лишь когда тот

ловко увернулся от столкновения, они смогли выдохнуть. Несмотря на тяжелую ношу, Ци Бай двигался на удивление проворно. Он не просто избегал рогов, но и умудрялся не отставать от старших товарищей, и в его движениях сквозила нескрываемая гордость.

Правда, мастер кое о чем не подумал. Чтобы овцы не выбили ворота, столбы забора в этом месте были подрезаны наполовину, а сверху была надстроена бамбуковая решетка. Перед ним высилась преграда высотой больше метра, и барс на мгновение замер, сомневаясь, сможет ли он перемахнуть через нее с ягненком в зубах.

Ци Бай уже подумывал обернуться человеком и перелезть, как вдруг он сам подпрыгнул и буквально перелетел через двухметровую ограду из колючек.

«Ого, я лечу!»

Это восторженное чувство длилось всего пару секунд. Не успел он насладиться полетом, как его мягко опустили на снег. Юноша выпустил ягненка и облизнулся. Ему явно было мало этого приключения, и он принялся забавно подпихивать короткими лапками огромную волчью лапу.

Огромный волк приподнял переднюю лапу и легонько опрокинул барса на спину. Тот забарахтался, молотя по воздуху толстыми подушечками лап, а хищник осторожно придавил его пушистый живот.

— Ау-у-у!

«Ты хоть понимаешь, как опасно лезть в самую гущу стада?» — словно выговаривал ему волк.

— Мяу-у!

«Ха-ха, не дави на живот, щекотно!» — отозвался барс, вцепившись в мохнатую лапу.

Лан Цзэ примирительно вильнул хвостом:

«Если тебе нужен был ягненок, мог бы просто сказать. Я бы сам его принес».

Барс в ответ лишь шутливо прикусил его за шерсть.

Вдоволь навозившись с напарником в снегу, Лан Цзэ наконец бережно подхватил его за загривок и стремительно понес прочь. Он сделал большой круг по лесу вокруг овчарни. Ветер, пахнувший морозом и хвоей, взъерошил шерстку Ци Бая. Он широко открыл глаза, боясь пропустить хоть мгновение этой красоты: замерзшие ручьи, укрытые тяжелыми шапками снега сосны — мир вокруг казался величественным и сказочным.

Когда они вернулись, Дяо Лань и остальные уже всю занимались Сяо Хуа. Хотя в племени никто никогда не разводил овец, с дойкой все справлялись на удивление ловко. Чжу Чжу ритмично сжимала вымя, и в бамбуковый тубус с веселым журчанием лилась струя густого молока. Сосуд был уже наполовину полон.

На мастера, который уже успел одеться и теперь стоял с сияющими глазами, никто не сердился за их прогулку. Соплеменники лишь понимающе улыбались — дело молодое.

Только Хуань Пин с недоумением спросил:

— Бао Бай, а зачем ты ягненка-то уволок?

Ян Ло оглянулся:

— И впрямь, где он?

Ци Бай, заворожено наблюдавший за дойкой, замер. Он совершенно забыл про своего пленника. Подхватившись, он бросился обратно к изгороди. У самого забора стоял Лан Цзэ, удерживая его добычу.

Малыш жалобно блеял:

— Ме-е-е!

Воин протянул его юноше:

— В таком крохе и мяса-то нет.

Ци Бай с улыбкой принял ягненка и покачал головой:

— Его нельзя есть. Вы же сами говорили, что взрослые звери чувят запах звероловов и дичатся нас.

Глаза мастера заблестели еще ярче:

— А что, если я выкормлю его сам, с первого дня? Он еще не привык к отаре и, возможно, примет нас как своих. Если мы сможем вырастить этого малыша ручным, значит, сможем приручить и всех остальных!